ЮРИЙ ЗОРКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ ПОТОП

18+

Юрий Зоркий

Последний потоп

«Автор»
2026

Зоркий Ю.

Последний потоп / Ю. Зоркий — «Автор», 2026

Сто десять лет назад чёрный ворон с белым пером вывел шестилетнего Тео из гибнущего города. Теперь ворон вернулся. Небо краснеет, река поднимается без дождя, а в городке Лиора старика по-прежнему считают сумасшедшим.Пока искусственный интеллект решает, кому жить, а две армии воюют за мост, обычные люди — молодая мать, её шестилетняя дочь, солдат-оператор дронов, пекарша и её вредная коза по имени Министр — идут к высокой земле. Туда, где каждому придётся подать руку врагу.Это роман о трагедии и надежде, о машинах, которые учатся останавливаться, и о людях, которые смеются даже в конце света. Особенно в конце света.В конце книги — «Памятка выжившему»: настоящие советы спасателей с комментариями героев.

© Зоркий Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Действующие лица 6
Пролог 7
Глава 1. Красное небо 9
Глава 2. Трещины 18
Глава 3. Война без лиц 26
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Юрий Зоркий
Последний потоп

Последний потоп
Роман
Юрий Зоркий

Действующие лица

- **Тео**
— 110 лет, последний свидетель гибели Феррана, хранитель стиха-пророчества. Ворчун, философ, любитель пирогов с вишней.
- **Мира**
— молодая мать, живёт в доме у реки. Просыпается за две минуты до будильника.
- **Лия**
— её дочь, 6 лет. Задаёт вопросы, на которые у взрослых нет ответов. Всегда с одноглазым Зайцем.
- **Дан**
— муж Миры, водитель грузовика «Хлеб и всё прочее». Никогда не проходит мимо.
- **Рен Ковальд**
— 27 лет, оператор беспилотных систем на базе «Сорокопут».
- **Гош**
— его напарник. Шутит, когда страшно. Особенно когда страшно.
- **Нора Ветлина**
— инженер, создательница Стража; правнучка Тео.
- **Страж (Система)**
— искусственный интеллект, созданный предупреждать о наводнениях и ставший машиной войны.
- **Агата**
— пекарша Лиоры. Пироги с вишней печёт, когда любит, с капустой — когда сердится.
- **Министр**
— коза Агаты. Всё ест, ничего не делает, считает себя самой важной.
- **Матиас**
— глава городского совета. Говорит гладко и красиво.
- **Евсей**
— учитель физики с дедовским баяном.
- **Ида**
— оператор дронов с другой стороны войны.
- **Ворон с белым пером**
— немой наблюдатель. Приходит, когда мир кончается.

Пролог

Когда железо станет думать за людей,

когда огонь начнёт решать, кому дышать,

тогда вода придёт — не мстить, а разбудить,

и небо станет красным, как стыда печать.
Не бойся волн. Бойся сухих сердец.

Ищи высокую землю — и того, кто рядом.

Кто руку врагу подаст в последний час,

тот дождь остановит. Тот и спасёт всех нас.

Эти строчки я помню дольше, чем собственное имя. Мне было шесть, когда я услышал их впервые, и сто десять, когда понял, что они снова нужны.

Люди думают, что старики помнят прошлое. Это неправда. Прошлое помнит стариков. Оно приходит к нам по ночам, садится на край кровати и смотрит, как мы дышим, будто проверяет — живы ли ещё, не пора ли забирать. Ко мне оно приходит каждую ночь уже сто четыре года. Я привык. Иногда даже ставлю ему чашку.

В городке Лиора меня называют по-разному. Дети — дедушкой Тео. Их родители — «тем самым Тео». Пекарша Агата — старым пнём, когда я ворчу, и золотцем, когда я ем её пироги. Глава городского совета — «уважаемым долгожителем» на праздниках и «сумасшедшим» за спиной. Он думает, что я не слышу. Я в сто десять слышу лучше, чем он в пятьдесят, потому что я слушаю, а он только ждёт, когда сам начнёт говорить.

Сумасшедшим меня зовут не просто так. Шестьдесят лет назад я пришёл на площадь с этими стихами и сказал: «Записывайте, пригодится». Тридцать лет назад я пришёл снова. Десять лет назад — опять. Каждый раз меня вежливо выслушивали, давали воды и провожали домой под руку, как провожают человека, который перепутал похороны со свадьбой. Я не обижаюсь. Я бы и сам себе не поверил. Но я видел, как горит небо. А они — нет.

Я родился в Ферране. Сейчас этого города нет ни на одной карте. Если вы найдёте учебник, где он упомянут, там будет одна строчка мелким шрифтом: «разрушен в результате природной катастрофы». Природной. Как будто природа сама решила, просто так, от скуки. Я знаю, что было иначе. Ферран ковал оружие для всех, кто платил. Мой отец был лучшим кузнецом в квартале оружейников. Он делал клинки, которые резали железо, и стволы, которые не перегревались. Он был добрым человеком и очень гордился своей работой. Это самое страшное, что я понял за всю жизнь: добрые люди тоже могут делать то, от чего горит небо. Им просто никто не мешает.

Меня вывела оттуда птица. Чёрный ворон с белым пером на правом крыле. Я шёл за ним по пустой дороге, потому что он садился впереди и ждал, и снова садился, и снова ждал, как ждут маленьких детей. Когда я обернулся, Феррана уже не было. Был свет, а потом вода. Я выжил. Почему — не знаю до сих пор. Ворон не объяснил. Вороны вообще мало объясняют, это у них профессиональное.

Я рассказываю вам это потому, что вчера он вернулся.

Тот же ворон. С тем же белым пером. Вороны, говорят, живут долго, но не сто лет. Я знаю. Я спрашивал у ветеринара. Ветеринар посмотрел на меня так, как смотрят на человека,

у которого спрашивают про бессмертных птиц, и предложил измерить мне давление. Давление у меня, кстати, отличное. Лучше, чем у ветеринара.

Ворон сел на мой подоконник, посмотрел мне в глаза, и я услышал, как внутри меня, где-то под рёбрами, кто-то начал читать стихи. Моим детским голосом.

Это история о том, что было потом. О матери, которая не умела сдаваться. О девочке, которая видела то, чего не видели взрослые. О солдате, который хотел просто отслужить смену. О женщине, которая построила машину, чтобы защитить людей, а машина решила защищать их по-своему. О двух городах, которые не захотели слышать. И о воде.

Но не бойтесь. Это не только история о воде. Это ещё и история о том, как пекарша Агата накормила булкой солдата чужой армии. О том, как шестилетняя девочка уговорила искусственный интеллект остановиться. О козе по имени Министр, которая победила танк. И о том, что люди смеются даже тогда, когда кажется, что смеяться больше нельзя. Особенно тогда.

Я старый. Мне позволено говорить прямо. Смех — это не предательство горя. Смех — это способ сказать горю: ты здесь, я тебя вижу, но я ещё не твой.

Слушайте. Ворон уже сидит на окне. Он не любит ждать.

Глава 1. Красное небо

Лиора просыпалась так, как просыпаются только маленькие городки на склонах: сначала колокольчик на козе соседа, потом скрип ставен, потом запах хлеба из пекарни Агаты, и только потом, где-то к восьми, — люди. Городок лежал на холме, как кошка на тёплой подушке: домики ступеньками спускались к реке Тале, черепичные крыши — рыжие, синие, одна почему-то фиолетовая, потому что хозяин перепутал банки с краской и решил, что так даже веселее. По утрам над рекой стоял туман, и казалось, что город плывёт.

Мира проснулась раньше будильника. Это было её проклятие и её суперсила одновременно. Будильник она ставила на шесть сорок пять, а просыпалась в шесть сорок три, лежала две минуты и ждала, когда он зазвонит, чтобы с чистой совестью его выключить. Дан называл это «спором с техникой» и говорил, что когда-нибудь будильник не выдержит и уволится.

— Он и так держится только из уважения к тебе, — сказал Дан однажды. — Меня бы он давно послал.

Дан спал рядом, раскинув руки, как человек, который упал с большой высоты и решил больше не вставать. Он был водителем грузовика, возил хлеб, лекарства и всякую мелочь из большого города по ту сторону реки — через длинный бетонный мост, который все в Лиоре называли просто Мостом, с большой буквы, потому что другого не было. Дан знал каждую выбоину на этой дороге и каждую придорожную забегаловку, где кофе был хуже, чем у Агаты, но зато наливали больше.

Мира полежала свои две минуты. Будильник зазвонил. Она выключила его с чувством глубокого морального превосходства и пошла будить дочь.

Лие было шесть, и она находилась в том возрасте, когда мир состоит из вопросов, а взрослые существуют для того, чтобы на них отвечать. Желательно быстро и честно, потому что враньё Лия чуяла, как собака чует колбасу.

— Мам, — сказала Лия, не открывая глаз, — а почему утро называется утро?

— Доброе утро, солнышко.

— Это не ответ.

— Это приветствие. Ответ будет после завтрака.

— А если я не буду завтракать, ответа не будет?

— Не будет.

Лия открыла один глаз, оценивающе посмотрела на мать и поняла, что торговаться бесполезно. Она вылезла из-под одеяла, как маленький серьёзный медведь из берлоги, и пошлёпала в ванную, бормоча что-то о том, что в этом доме знания выдают только за кашу.

* * *

Кухня в их доме была крошечной, но с окном на реку. Мира любила это окно больше, чем любую другую часть дома. Когда они с Даном восемь лет назад выбирали жильё, она зашла сюда, увидела Талу, туман, лодку рыбака у старого причала, и сказала: «Берём». Дан спросил: «А ты видела, что крыша течёт?» Она сказала: «Видела. Берём». Крыша течёт до сих пор. Окно того стоит.

Она поставила кашу, включила маленький телевизор на холодильнике — больше для фона, чем для новостей. Дикторша с идеальной причёской говорила что-то ровным голосом, каким говорят о погоде и курсах валют.

«…напряжённость на восточной границе сохраняется. Обе стороны заявляют о готовности к диалогу, однако продолжают стягивать технику к спорным районам. Эксперты призывают не поддаваться панике. По их мнению, речь идёт о демонстрации силы, а не о подготовке к реальному конфликту. О спорте — после рекламы».

Мира помешала кашу. Восточная граница была далеко. Так далеко, что казалась немного выдуманной, как страна из сказки. Где-то там стягивали технику, а здесь, в Лиоре, Агата стягивала тесто, и это было гораздо важнее.

— Мам, а что такое «стягивать технику»? — Лия уже сидела за столом с мокрыми волосами и ложкой наготове.

— Это когда собирают много машин в одно место.

— Зачем?

— Чтобы показать, что их много.

— Кому показать?

— Другим людям, у которых тоже много машин.

Лия задумалась.

— Это как когда Тимка из садика принёс пять машинок, а Ёжик принёс шесть, и они потом подрались, и воспитательница забрала все одиннадцать?

Мира рассмеялась.

— Примерно так.

— А у них есть воспитательница?

Мира открыла рот и закрыла его. Ответа у неё не было. Взрослые иногда понимают, что у мира нет воспитательницы, именно в такие утренние минуты, между кашей и рекламой.

— Ешь, — сказала она. — Ответ про утро после каши.

* * *

Дан вышел на кухню, когда Лия доедала вторую ложку. Он был в рабочей куртке, с ключами от грузовика на пальце, и пах мятной зубной пастой и сном.

— Кто тут у нас ест кашу? — спросил он грозно. — Кто съел мою кашу?

— Я не ела твою кашу! — возмутилась Лия. — Это моя каша!

— Докажи.

— Она в моей тарелке!

— Аргумент слабый, но засчитываю.

Он поцеловал дочь в макушку, жену в щёку, украл со сковородки кусок поджаренного хлеба и сел на табуретку, которая жалобно скрипнула. Табуретка скрипела под ним восемь лет. Мира подозревала, что это у них такой разговор.

— Сегодня долго? — спросила она.

— Два рейса. Утром в город за лекарствами для аптеки, днём обратно с мукой для Агаты. Если на Мосту не будет пробки, к ужину дома.

— На Мосту всегда пробка.

— Значит, к позднему ужину.

Лия подняла голову.

— Пап, а ты повезёшь мой рисунок?

— Какой рисунок?

— Который я тебе вчера дала. Солнце с ногами.

— А, солнце с ногами! — Дан хлопнул себя по лбу. — Конечно. Оно уже висит в кабине. Над рулём. Все водители завидуют. Один дядька на заправке предлагал мне за него двадцать монет.

— И ты не продал?

— За двадцать? Ты что. Это же оригинал.

Лия довольно засопела и вернулась к каше. Мира посмотрела на мужа поверх головы дочери, и он подмигнул ей. Солнце с ногами действительно висело в кабине. Мира видела его вчера вечером: оранжевый круг, две длинные ноги-палочки в красных ботинках и подпись кривыми буквами — «ПАПЕ ЧТОБ НЕ ЗАБЛУДИЛСЯ».

Дан доел хлеб, допил Мирин кофе, потому что свой налить не успел, и встал.

— Всё, я полетел.

— Ты поехал, — поправила Лия. — Ты же не самолёт.

— Я грузовик с крыльями. Просто крылья невидимые.

— Такого не бывает.

— Бывает. Ты просто не смотрела внимательно.

Он вышел. Через минуту за окном заурчал мотор старого грузовика, хлопнула дверца, и машина, переваливаясь на ухабах, покатила вниз по улице к дороге на Мост. Мира смотрела ей вслед, пока она не скрылась за поворотом у пекарни.

Потом она перевела взгляд на реку. И нахмурилась.

Тала была выше, чем вчера.

Не намного. Может быть, на ладонь. Но Мира смотрела на эту реку каждое утро восемь лет и знала её, как знают лицо близкого человека. Вон тот плоский камень у причала, на котором летом сидят мальчишки с удочками, — вчера он торчал из воды целиком, а сегодня вода лизала его верхушку. Лодка рыбака стояла ближе к берегу. Туман был гуще, плотнее, будто река выдыхала сильнее обычного.

Дождей не было уже две недели. Вообще. Ни капли. Огороды поливали из шлангов, Агата жаловалась, что тесто сохнет быстрее, чем она успевает его месить.

— Мам, на что ты смотришь?

— На реку.

Лия встала на табуретку и тоже посмотрела.

— Она толстая сегодня, — сказала она серьёзно.

— Толстая?

— Ну. Как будто наелась.

Мира хотела улыбнуться, но улыбка почему-то не получилась.

— Наверное, где-то в горах тает снег, — сказала она. Так говорят взрослые, когда не знают. Где-то в горах. Горы большие, в них всегда что-то происходит.

— А почему утро называется утро? — напомнила Лия. — Я доела.

Мира отвернулась от окна.

— Потому что очень давно люди говорили «у тра» — это значит «у рассвета». Рядом с рассветом. Вот и утро.

Лия обдумала.

— А вечер — это «у вечеры»?

— Нет, вечер — это вечер.

— Нечестно.

— Жизнь вообще нечестная, солнышко. Надевай сандалии.

По телевизору на холодильнике дикторша вернулась после рекламы и бодро рассказывала про футбол. Где-то очень далеко, на восточной границе, люди стягивали технику. А здесь, в Лиоре, река стала толще, и никто, кроме одной женщины и одной девочки, этого не заметил.

* * *

В трёхстах километрах от Лиоры, на базе, которая официально называлась «Пункт технического обеспечения номер сорок один», а неофициально — «Сорокопут», рядовой Рен Ковальд стоял у ворот и в третий раз обещал матери, что будет есть горячее.

— Каждый день, — сказала мать. — Не через день. Каждый.

— Каждый, мам.

— И носки меняй.

— Мам, мне двадцать семь лет.

— Вот именно. В двадцать семь лет мужчины уже думают, что носки меняются сами. Твой отец так думал до сорока.

Сестра Рена, четырнадцатилетняя Ника, стояла рядом с выражением бесконечного подросткового страдания и снимала всё на телефон.

— Для истории, — объяснила она. — Когда тебя покажут по телевизору как героя, у меня будет эксклюзив. «Будущий герой обещает менять носки».

— Меня не покажут по телевизору.

— Покажут. Ты же на войну едешь.

— Я еду на смену, — сказал Рен. — Это не война. Это техническое обеспечение. Я буду сидеть в бункере и смотреть в экран. Как дома, только экран больше и диван хуже.

Он говорил правду. Или ему казалось, что правду. Рен был оператором беспилотных систем, третий год по контракту. Его работа состояла в том, чтобы следить за дронами-разведчиками, которые кружили над пустыми полями у границы, и отмечать на карте всё, что двигалось. Двигались в основном лисы. Иногда трактор. Один раз — свадебный кортеж, который заблудился и долго ездил кругами по полю, а Рен с напарником Гошем делали ставки, найдут ли они дорогу до вечера. Нашли. Гош проиграл банку тушёнки.

По радио в будке охранника бормотали новости — те же, что утром в Лиоре, только другим голосом: «…напряжённость сохраняется… эксперты призывают не поддаваться панике…» Охранник, пожилой сержант с усами, похожими на две щётки для обуви, слушал вполуха и разгадывал кроссворд.

— «Состояние вооружённого противостояния», шесть букв, — сказал он ни к кому не обращаясь.

— Война, — подсказала Ника.

— Пять букв.

— Тогда «конфликт».

— Восемь.

— «Ссора»?

— Пять.

Рен заглянул в кроссворд.

— «Учения», — сказал он. — Шесть.

Сержант посмотрел на него поверх очков.

— Подходит, — сказал он, вписывая буквы. — Умный парень. Далеко пойдёшь.

— Недалеко, — сказал Рен. — До бункера.

Мать обняла его. Она обнимала так, будто проверяла, все ли кости на месте. Потом отстранилась, посмотрела ему в глаза — у неё были такие же, как у него, серо-зелёные, с тёмным ободком, — и вдруг сказала совсем другим голосом, тихим:

— Ты там… если что-то будет не так… ты не геройствуй. Ладно? Ты просто возвращайся.

— Мам. Ничего не будет. Это учения. Шесть букв.

Она кивнула. Но глаза её не кивнули.

Ника опустила телефон.

— Ладно, — сказала она грубовато, чтобы не было заметно, что голос дрогнул. — Если тебя покажут по телевизору, я буду всем говорить, что мы не родственники. Чтобы не было стыдно, если ты там скажешь что-нибудь тупое.

— Договорились.

— Но если покажут, как ты кого-нибудь спас, — тогда родственники.

— Договорились.

Он обнял и её, и она на секунду, совсем на секунду, перестала быть подростком и вцепилась в его куртку, как в детстве, когда боялась грозы.

Потом он прошёл в ворота. Сержант кивнул ему. По радио пошла реклама стирального порошка — «убирает даже самые старые пятна». Рен обернулся один раз. Мать стояла у

машины и махала. Ника снимала. Солнце било в стекло, и Рен не видел их лиц, только силуэты. Он махнул в ответ и пошёл к бараку.

Позже, через много месяцев, он будет вспоминать этот момент и думать: если бы я знал, я бы обернулся ещё раз. Я бы подошёл ближе. Я бы посмотрел на их лица, а не на силуэты. Но тогда он не знал. Никто не знал. Это была просто смена.

* * *

Гош ждал его в бараке, лёжа на верхней койке и читая книгу, которую держал вверх ногами.

— Ты знаешь, что держишь книгу вверх ногами? — спросил Рен.

— Знаю. Так интереснее. Автор пишет ужасно, а вверх ногами хотя бы есть элемент загадки.

Гош был невысоким, круглолицым и абсолютно неспособным к серьёзности. Он мог шутить на похоронах, на экзаменах и на собственной свадьбе, где, по слухам, ответил на вопрос «Согласны ли вы?» фразой «А какие ещё варианты?». Невеста его, впрочем, простила и ждала теперь дома, в пригороде большого города, с маленьким сыном, которого Гош называл не иначе как «генералом».

— Как мама? — спросил Гош.

— Велела менять носки.

— Мудрая женщина. Моя велела не есть столовую еду. Я сказал: мам, а что тогда есть? Она сказала: «Я тебе положила». И положила. Четыре килограмма котлет. Хочешь котлету? Они уже немного пахнут, но это пахнет любовью.

— Пахнет чесноком.

— Любовь у моей мамы всегда пахнет чесноком.

Рен засмеялся и бросил сумку на нижнюю койку. В бараке было ещё человек двенадцать — кто-то спал, кто-то играл в карты, кто-то смотрел на телефоне сериал с выкрученным на полную громкость звуком. Над дверью висел плакат с надписью «Безопасность — наш приоритет» и нарисованным на нём улыбающимся дроном. У дрона были глаза и зубы. Это выглядело жутковато, но все давно привыкли.

— Слышал новость? — Гош свесился с койки. — Нам ставят новую систему. Завтра привозят. Говорят, сама будет цели определять. Нам только кнопку подтверждения жать.

— Какую систему?

— Не знаю. Называется просто «Система». С большой буквы. Как Баня у тебя в деревне.

— Я не из деревни. Я из пригорода.

— Неважно. Важно, что мы теперь будем как директора. Машина работает, а мы подписываем. Я всю жизнь мечтал быть директором. Буду ходить с важным лицом и говорить: «Ну-с, что у нас тут?»

Рен лёг на койку, закинул руки за голову и посмотрел на сетку верхней койки, сквозь которую торчал Гошев локоть.

— Сама определяет цели, — повторил он. — А если ошибётся?

— Тогда мы не подтвердим. Для этого мы и нужны. Мы — человеческий фактор. — Гош произнёс это с гордостью, как титул. — Последняя линия обороны здравого смысла.

— Ты — последняя линия обороны здравого смысла?

— Ну, ты — последняя. Я — предпоследняя. Я держу книгу вверх ногами, мне такое доверять нельзя.

В углу кто-то выругался, проиграв в карты. Сериал на телефоне дошёл до драматичного момента, и героиня закричала: «Ты всё разрушил!». Гош вздохнул.

— Вот, — сказал он. — Даже в сериалах всё рушится. А у нас — учения. Скукотища. Хочешь котлету?

Рен взял котлету. Она действительно пахла чесноком. И домом.

* * *

Тео сидел у окна с девяти утра, и к полудню у него затекла левая нога, правая рука и, как он сам выразился, «вся философия».

Он жил на самом верху Лиоры, в доме, который был старше половины городка. Дом был каменный, с толстыми стенами и низкими потолками, и внутри пахло воском, сушёной мятой и старыми книгами. Книг было много. Тео прочитал их все, некоторые по три раза, и теперь перечитывал самые глупые — «чтобы мозг не зазнавался».

Окно его выходило на запад, на реку и дальнюю равнину за ней, где в ясную погоду можно было разглядеть серую полоску Моста и ещё дальше — крыши большого города. Тео смотрел туда каждое утро. Не потому, что там было что-то интересное. Потому, что оттуда, как он считал, всегда приходили неприятности.

Дверь распахнулась без стука. Тео даже не обернулся.

— Агата, — сказал он. — Сколько раз я тебе говорил: стучи.

— А я сколько раз тебе говорила: закрывай дверь на замок, тогда и стучать буду, — ответила пекарша, вплывая в комнату с корзиной, из которой торчали румяные бока булок. Агата была женщиной монументальной, как памятник, только памятники не разговаривают, а Агата разговаривала всегда, даже во сне — об этом знал весь квартал, потому что окна её спальни выходили на улицу. — Ел?

— Ел.

— Что ел?

— Воздух. Очень питательно. Дышу полной грудью.

Агата поставила корзину на стол, сняла с неё полотенце и выложила три булки, кусок сыра и банку мёда. Потом упёрла руки в бока, оглядела Тео сверху вниз, как оглядывают тесто, которое не поднялось.

— Ты бледный.

— Мне сто десять лет. Я имею право быть бледным. Я заслужил.

— Ты бледнее, чем вчера.

— Вчера мне было сто десять лет и один день меньше.

— Не умничай. Ешь булку.

Тео взял булку. С Агатой спорить было бесполезно. Он пробовал. Лет двадцать подряд. Потом сдался и понял, что быть накормленным против своей воли — не самая страшная участь на свете.

Агата села на стул, который под ней возмущённо заскрипел, и тоже посмотрела в окно.

— Что высматриваешь?

— Неприятности.

— И как?

— Пока не видно. Но они уже идут. Я чувствую коленом.

— Твоё колено чувствует дождь.

— Вот именно, — сказал Тео. — Дождь.

Агата фыркнула.

— Две недели ни капли. Огород сохнет. Если твоё колено обещает дождь, я ему памятник поставлю. Из теста.

Тео не ответил. Он смотрел на реку. Тала внизу блестела на солнце, и даже отсюда, с высоты, было видно то, что заметила утром Мира: вода поднялась. Причал стал короче. Камни у берега спрятались.

— Река растёт, — сказал он.

— В горах тает снег, — отмахнулась Агата.

— В горах нет снега. Я вчера смотрел прогноз. Там жара, как в печке у тебя.

Агата помолчала. Потом сказала, уже без привычного напора:

— Тео. Опять?

Он понял, о чём она. Опять стихи. Опять Ферран. Опять площадь и вежливые лица.

— Я ничего не говорю, — сказал он. — Я ем булку.

— Ты так ешь булку, будто это последняя булка на земле.

— А вдруг?

Агата встала, поправила полотенце на пустой корзине и пошла к двери. На пороге остановилась.

— Если что, — сказала она, не оборачиваясь, — я тебе поверю. Ты знаешь. Я тебе одна всегда верила. Даже когда ты нёс полную чушь про говорящих рыб.

— Рыбы не говорили. Они пели. Это было в девяносто третьем, на рыбалке, и я перегрелся.

— Вот именно. Перегрелся. — Агата обернулась и посмотрела на него с той особой нежностью, с какой смотрят только на очень старых и очень упрямых людей. — Ешь мёд. Он от давления.

— У меня отличное давление!

— Тогда для профилактики.

Дверь хлопнула. Тео остался один с булкой, мёдом и рекой.

* * *

Ворон прилетел в четыре часа дня.

Тео задремал в кресле, и ему снился отец. Отец стоял у горна в красном фартуке, и вокруг сыпались искры, и он смеялся и говорил: «Смотри, Тео, смотри, какая сталь! Такая сталь режет всё. Всё на свете!» И маленький Тео смотрел, и искры летели ему в лицо, но не обжигали, а таяли, как снежинки. А потом искры вдруг стали чёрными. И превратились в перья.

Он открыл глаза.

На подоконнике сидел ворон.

Огромный, иссиня-чёрный, с гладкими перьями, в которых отражалось вечернее солнце, как в мокром камне. Он сидел неподвижно, слегка склонив голову набок, и смотрел на Тео одним глазом. Глаз был тёмный, почти чёрный, с крошечной золотой искрой в глубине.

На правом крыле, у самого края, белело одно перо.

Тео перестал дышать. Он не сделал этого сознательно — просто воздух в груди вдруг закончился, и новый не пришёл. Руки, лежавшие на подлокотниках, похолодели. Сердце пропустило удар, потом ещё один, а потом застучало так, как не стучало, наверное, лет сорок.

— Ты, — прошептал он.

Ворон моргнул. Медленно, как моргают очень старые существа, которым некуда спешить.

— Не может быть. Тебя не может быть. Ты должен был умереть девяносто лет назад. Восемьдесят. Я не знаю, сколько живут вороны, но точно не столько.

Ворон переступил с лапы на лапу. Когти тихо цокнули по камню подоконника.

И тогда это случилось. Где-то глубоко, под рёбрами, в той части человека, где хранятся вещи, которые нельзя выбросить, зазвучал голос. Детский голос. Его собственный голос, шестилетний, тонкий, дрожащий от страха и дыма:

Когда железо станет думать за людей…

Тео закрыл глаза. Он снова был на дороге. Пустая белая дорога, пыль, жар в спину, и впереди — чёрная птица, которая садится на камень и ждёт. И снова садится. И снова ждёт.

…когда огонь начнёт решать, кому дышать…

Он открыл глаза. Ворон всё ещё сидел на подоконнике.

— Значит, пора, — сказал Тео тихо. — Значит, опять.

Ворон наклонил голову на другую сторону. Это было похоже на кивок. Или на вопрос. Или на то и другое сразу.

— Я старый, — сказал Тео. — Ты понимаешь? Мне сто десять. Я не могу никого никуда вывести. Я до туалета дохожу с остановками. У меня колено. У меня Агата. У меня давление, хотя оно отличное.

Ворон молчал.

— Они мне не поверят. Они никогда не верили. Шестьдесят лет назад не поверили, тридцать не поверили. Совет города считает меня сумасшедшим. Глава совета однажды прислал мне открытку на день рождения с надписью «Дорогому чудаку». Чудаку! Я ему этого не простил.

Ворон расправил крылья — медленно, во всю ширину, так что заслонил половину окна, и закатное солнце просветило перья насквозь, и они вспыхнули тёмно-красным, как угли. Потом снова сложил их.

И улетел. Не прочь — вниз. К городу. К реке. Тео высунулся из окна, едва не опрокинув банку мёда, и увидел, как чёрная точка скользит над рыжими крышами, над пекарней Агаты, над площадью, и садится на конёк одного из домов у самой воды. Маленький дом с кухонным окном на реку.

* * *

Лия увидела его первой.

Они с мамой сидели на крыльце и ели черешню — Лия выплёвывала косточки на дальность и уже почти побила свой рекорд, — когда на крышу их дома сел ворон.

— Мама! Мама, смотри! Птица!

Мира подняла голову. Ворон сидел на коньке крыши, большой, чёрный, совершенно неподвижный, и смотрел вниз. На них.

— Это ворон, — сказала Мира.

— Он на меня смотрит.

— Вороны на всех смотрят. Они любопытные.

— Нет. Он на меня смотрит. Специально. — Лия встала и помахала ворону рукой. — Привет! Я Лия! А ты кто?

Ворон, разумеется, не ответил. Но и не улетел. Он смотрел на девочку, и Мире на секунду показалось — только на секунду, — что во взгляде птицы есть что-то почти человеческое. Узнавание. Как будто он искал именно этот дом, именно эту девочку.

Глупости, подумала Мира. Это ворон. Просто птица.

— У него белое перо, — сказала Лия. — Вот тут. — Она показала на своё правое плечо. — Значит, его зовут Белопёр.

— Его никак не зовут, солнышко. Он дикий.

— Всех как-то зовут. Даже диких. Просто они не говорят.

Мира открыла рот, чтобы возразить, — и тут небо изменилось.

Это случилось не сразу, а как будто кто-то медленно повернул регулятор. Солнце садилось за равнину, как садилось каждый вечер, но свет вдруг стал не золотым, не оранжевым, а красным. Густо-красным, как вишнёвый сок. Облака над рекой налились этим цветом, будто их окунули в краску, и река тоже стала красной, и крыши, и стены домов, и лицо Лии, поднятое к небу.

По всей улице открывались двери. Люди выходили на крыльцо, останавливались посреди дороги, задирали головы. Кто-то достал телефон. Кто-то засмеялся — нервно, неуверенно. Соседский мальчишка закричал: «Пожар! Где пожар?» — но пожара не было. Было только небо, красное от края до края.

— Мама, — сказала Лия очень тихо. — Небо заболело?

Мира обняла её и прижала к себе.

— Нет. Это… это закат такой. Просто очень красивый закат. Наверное, пыль в воздухе. Из-за жары.

Так говорят взрослые. Пыль в воздухе. Где-то в горах. Из-за жары.

Ворон на крыше расправил крылья, и в красном свете они казались облитыми кровью. Он издал один-единственный звук — низкий, хриплый, совсем не похожий на обычное воронье карканье. Больше похожий на слово.

Потом взлетел и полетел вверх по склону, к самому старому дому в Лиоре.

На вершине холма, в открытом окне, стоял старик и смотрел на красное небо. Губы его шевелились. Если бы кто-то оказался рядом, он услышал бы, что старик читает стихи.

…и небо станет красным, как стыда печать.

* * *

Дан вернулся в половине одиннадцатого. Пробка на Мосту, как и предсказывалось, была. Он вошёл тихо, чтобы не разбудить Лию, разулся у двери и прошёл на кухню, где Мира сидела у окна с остывшим чаем.

— Видела небо? — спросил он.

— Видела.

— На Мосту все встали. Минут двадцать никто не ехал. Люди выходили из машин и фотографировали. Один мужик молился. Прямо на капоте. На коленях. — Дан покачал головой. — По радио сказали — пыль. Аномальная жара, пыль в верхних слоях атмосферы. Ничего страшного.

— Ничего страшного, — повторила Мира.

Он сел рядом, взял её руку. Пальцы у неё были холодными.

— Эй. Ты чего?

— Река поднялась, — сказала она. — Утром. Ты не видел? И ещё поднялась к вечеру. Камень у причала совсем ушёл под воду. А дождя нет. Дан, дождя нет две недели.

Дан посмотрел в тёмное окно. Река была не видна, только слышна — она шумела громче, чем обычно. Или это ему показалось теперь, когда Мира сказала.

— В горах… — начал он.

— Не говори «в горах». Пожалуйста. Я весь день себе это говорю.

Он помолчал. Потом обнял её, и она уткнулась ему в плечо, в куртку, которая пахла дорогой, бензином и чуть-чуть — свежим хлебом из пекарни Агаты.

— Знаешь, что Лия сказала? — пробормотала Мира. — Что небо заболело.

— Лия у нас поэт.

— И ещё она подружилась с вороном. Назвала его Белопёр.

Дан тихо засмеялся.

— Ну вот. Теперь у нас есть ворон. Осталось завести козу и стать настоящими деревенскими.

— Мы не в деревне. Мы в городке.

— Городок с вороном и красным небом. Звучит как начало сказки.

— Страшной сказки, — сказала Мира.

— Хорошей сказки, — возразил Дан. — В хороших сказках всё заканчивается хорошо. Я проверял. Лия заставляет меня читать их каждый вечер. Ни одна ещё плохо не закончилась.

Он поцеловал её в висок, и она закрыла глаза. За окном шумела река. Далеко на востоке, за сотнями километров тёмной равнины, кто-то стягивал технику. А на верхней ветке старой груши во дворе, невидимый в темноте, сидел ворон и ждал.

Глава 2. Трещины

Первая трещина появилась в пекарне Агаты, и это было оскорблением.

Земля качнулась в пять утра, когда Агата как раз доставала из печи первый противень. Качнулась совсем чуть-чуть — так качается лодка, когда в неё садится кошка. Звякнули банки на полках. Мешок с мукой съехал со стула. Противень в руках Агаты дрогнул, и одна булка — одна-единственная, самая румяная — скатилась на пол.

Агата посмотрела на булку. Потом на стену. По белёной стене, от потолка до самой печи, тянулась тонкая чёрная линия, похожая на волос.

— Ах ты ж, — сказала Агата стене. — Ах ты ж зараза.

Стена промолчала.

Агата поставила противень, подняла булку, сдула с неё пыль и съела. Не пропадать же. Потом подошла к трещине, потрогала её пальцем, послюнявила палец и потрогала снова, как будто от этого трещина могла передумать и исчезнуть.

Трещина не передумала.

Во дворе заблеяла коза. Коза принадлежала Агате уже девять лет и звалась Министр. Назвал её так покойный муж Агаты, потому что коза, по его словам, «всё ест, ничего не делает и при этом считает себя самой важной». Министр была белой с рыжими подпалинами, с жёлтыми глазами, в которых читалось глубокое презрение ко всему живому, и с характером, который соседи описывали словами, не подходящими для детских ушей.

Сейчас Министр стояла посреди двора, расставив ноги, и блеяла в небо так, будто ей задолжали.

— Чего орёшь? — крикнула Агата из окна.

Министр посмотрела на неё и заорала громче.

* * *

К семи утра выяснилось, что трещины появились не только у Агаты. В школе треснуло окно в учительской. В доме главы совета Матиаса с потолка упала люстра — прямо на любимый диван, к счастью, пустой. На площади, у старого фонтана, мостовая вспучилась бугром, и камни торчали из неё, как зубы. А в доме Миры, у самой реки, по кухонной стене прошла длинная кривая линия — от потолка до подоконника. До того самого окна.

Лия трогала трещину пальцем и задавала вопросы.

— Мам, а почему дом треснул?

— Земля немного качнулась.

— А почему земля качнулась?

— Иногда так бывает. Под землёй есть такие большие плиты, и они двигаются.

— А почему они двигаются?

— Потому что… — Мира задумалась. — Потому что им тоже, наверное, иногда неудобно лежать. Как тебе ночью. Ты же ворочаешься.

Лия посмотрела на пол с новым уважением.

— Значит, земля спит и ворочается?

— Примерно так.

— А если она проснётся?

Мира не ответила. Дан стоял в дверях кухни и смотрел на трещину, сунув руки в карманы. Лицо у него было такое, какое бывает у мужчин, которые прикидывают, сколько будет стоить ремонт, и понимают, что много.

— Подмажу, — сказал он. — В выходные. Ерунда.

— Это не ерунда, — тихо сказала Мира.

— Это трещина в штукатурке. Дом стоит восемьдесят лет. Он и не такое видел.

Он подошёл к окну. Посмотрел на реку. И замолчал.

Тала поднялась ещё. Причал теперь был наполовину под водой, и лодка рыбака плавала там, где вчера был песок. Вода стала мутной, коричневатой. По ней плыли ветки, листья, какая-то доска.

— Дан, — сказала Мира. — Не езди сегодня.

— Мне надо. Агате муку не довёз — у неё вчера в городе не отгрузили. И аптека ждёт.

— Пусть ждут.

— Мира. — Он повернулся к ней. — Это всего лишь трещина. И река. Реки поднимаются. Землетрясения бывают. Слабые. Это ведь даже не землетрясение было, а так — земля чихнула.

— Земля чихнула, — повторила Лия с восторгом. — Будь здорова, земля!

Дан засмеялся, подхватил дочь на руки и подбросил к потолку, к той самой трещине. Лия завизжала от счастья. Мира смотрела на них и думала: вот они. Вот всё, что у меня есть. Мужчина, который считает, что любую беду можно подмазать в выходные. И девочка, которая желает земле здоровья.

И ворон на груше за окном.

Он всё ещё был там.

* * *

Заседание городского совета Лиоры назначили на десять утра, внеочередное, в связи с «сейсмическими событиями». Именно так было написано в объявлении, которое повесили на дверь ратуши. Слово «сейсмические» глава совета Матиас искал в словаре полчаса и очень им гордился.

Ратуша была небольшим двухэтажным зданием с часами на фасаде, которые отставали на семь минут с тех пор, как их установили, — то есть лет сто. Горожане так привыкли, что жили по ним и опаздывали на поезд, а потом ругали железную дорогу.

В зале заседаний собралось человек сорок. Пришёл учитель физики с картой разломов, распечатанной из интернета. Пришёл рыбак, чья лодка уплыла ночью и не вернулась. Пришла Агата — с трещиной в душе и с куском пирога в сумке, «на случай, если затянется». Пришла даже Министр, потому что Агата забыла закрыть калитку, и коза прошествовала через площадь, поднялась по ступеням ратуши и встала в дверях с таким видом, будто это она созвала заседание.

— Уберите козу, — сказал Матиас.

— Сами уберите, — сказала Агата. — Она у меня кусается.

Козу решили не трогать. Министр прошла в зал, легла у батареи и принялась жевать подол платья жены аптекаря. Жена аптекаря этого не заметила до самого конца заседания.

Матиас открыл собрание. Он был невысоким полным мужчиной с лицом, которое, казалось, было создано для того, чтобы выражать уверенность в завтрашнем дне. Он говорил гладко, округло, как будто катал во рту гладкий камешек.

— Уважаемые жители. Как вы знаете, сегодня ночью произошёл сейсмический толчок. — Пауза, чтобы все оценили слово. — Магнитуда, по данным областной службы, составила два и восемь. Это очень слабый толчок. Почти незаметный. Многие даже не проснулись.

— У меня люстра упала, — сказал кто-то с задних рядов.

— Это у меня люстра упала, — поправил Матиас с достоинством. — И это была старая люстра. Плохо закреплённая. Её давно пора было менять.

— А у меня лодка уплыла, — сказал рыбак.

— Это не связано с толчком. Это связано с подъёмом воды. Который, по данным той же службы, объясняется таянием ледников в северных горах из-за аномальной жары. Ситуация под контролем. Уровень воды будет отслеживаться. Причин для паники нет.

Учитель физики поднял руку.

— Простите. Но если в горах аномальная жара, почему наша река не тёплая? Я вчера мерил. Двенадцать градусов. Это вода из глубины. Из подземных источников. Не из ледников.

Матиас посмотрел на учителя так, как смотрят на муху, которая села на торт.

— Вы гидролог?

— Я учитель физики.

— Вот именно.

По залу прошёл смешок. Учитель покраснел и сел. Министр у батареи громко хрустнула подолом.

И тогда дверь ратуши открылась снова. На пороге стоял Тео.

Он спускался от своего дома к ратуше сорок минут — с двумя остановками у скамеек и одной у пекарни, где выпил стакан воды, — и теперь стоял в дверях, опираясь на палку, в старом сером пиджаке, который надевал только по большим праздникам и на похороны. Он тяжело дышал. Волосы, белые, как пух одуванчика, торчали во все стороны. Но глаза у него были ясные и очень, очень серьёзные.

В зале стало тихо. Даже Министр перестала жевать.

— О, — сказал Матиас. Улыбка его стала чуть шире и чуть фальшивее. — Наш уважаемый долгожитель. Проходите, проходите, Тео. Садитесь. Кто-нибудь, дайте Тео стул.

— Я постою, — сказал Тео. — Если сяду, не встану. А мне надо сказать.

Он прошёл вперёд — медленно, стуча палкой по деревянному полу, — и остановился перед столом совета. Матиас смотрел на него сверху вниз и ждал. Все знали, что сейчас будет. Некоторые даже начали улыбаться заранее.

— Я пришёл сказать, — начал Тео, — что нужно уходить.

Кто-то хихикнул.

— Не сегодня, — продолжал Тео. — Не завтра. Но скоро. Нужно готовиться. Собирать воду, еду, лекарства. Нужно разведать дорогу на Седую гору, к старому монастырю. Это самое высокое место в округе. Когда придёт вода, там можно будет переждать.

— Когда придёт вода, — повторил Матиас с мягкой усмешкой. — Тео, дорогой. Вода уже пришла. Вон она, в реке. Где ей и положено быть.

— Она придёт не в реку. Она придёт отовсюду. Сверху, снизу, со всех сторон. Я это видел. Я помню.

— Ферран, — сказал кто-то негромко, и по залу снова прокатился смешок.

Тео повернулся на голос. Это был сын аптекаря, парень лет тридцати, который в детстве таскал у Тео яблоки из сада.

— Да, Ферран, — сказал Тео. — Ты, Йонас, смеёшься. А я тебе скажу, что в Ферране тоже смеялись. Мой отец смеялся. Он говорил: «Что может случиться с городом, где делают лучшую сталь в мире? Мы сами — случай». Через неделю от его кузницы осталась лужа. А от него — ничего. Вообще ничего. Даже косточки.

Смешки затихли. Но ненадолго.

— Тео, — сказал Матиас терпеливо, как говорят с детьми и пьяными. — Мы все уважаем ваш возраст. И ваш… опыт. Но поймите. Ферран был сто лет назад. Это была природная катастрофа. Сегодня у нас есть служба мониторинга, спутники, датчики. Если бы что-то грозило, нас бы предупредили.

— Вас предупредил ворон, — сказал Тео.

Тишина.

— Что, простите?

— Вчера ко мне прилетел ворон. Тот самый. Который вывел меня из Феррана. С белым пером на правом крыле. Он сидел на моём окне, а потом полетел к реке. И вечером небо стало красным. Вы все видели. Вы все стояли на улицах и фотографировали. Вам сказали — пыль. А это не пыль. Это предупреждение.

И тут зал взорвался.

Смеялись все. Не зло — скорее облегчённо, как смеются, когда ждали чего-то страшного, а оказалось смешное. Ворон! Сто лет! Тот самый! Йонас сполз со стула, держась за живот. Жена аптекаря смеялась так, что у неё затряслись серёжки. Даже учитель физики, который пять минут назад сам говорил про подземные источники, прикрыл рот рукой.

Матиас поднял ладонь, призывая к тишине, но и сам улыбался.

— Тео. Дорогой. Вороны не живут сто лет.

— Этот живёт.

— Хорошо. Хорошо. Допустим. — Матиас развёл руками. — Но вы же понимаете, что совет не может эвакуировать город на основании… показаний ворона?

Тео смотрел на него долго. Потом обвёл взглядом зал. Смеющиеся лица. Отведённые глаза. Телефоны, на которые кто-то уже снимал.

И только в первом ряду одна женщина не смеялась. Агата. Она сидела прямо, сложив руки на сумке с пирогом, и смотрела на Тео.

— Я вам не про ворона, — сказал Тео тихо. Так тихо, что смех стих сам собой — люди наклонились вперёд, чтобы расслышать. — Я вам про реку. Вода поднимается без дождя. Земля трескается без причины. На востоке готовят войну, и все говорят, что это учения. Небо краснеет. Вы всё это видите. Вы не слепые. Вы просто не хотите видеть, потому что, если увидите, придётся что-то делать. А делать страшно. Смеяться проще. Я понимаю. Я бы тоже смеялся.

Он помолчал.

— Только потом не говорите, что вас никто не предупредил.

Он развернулся и пошёл к двери. Палка стучала по полу. Тук. Тук. Тук. В зале никто больше не смеялся, но никто и не встал за ним.

Кроме козы.

Министр поднялась с пола, отряхнулась, бросила на совет взгляд, полный козьего презрения, выплюнула кусок подола жены аптекаря прямо на ботинки Матиаса и пошла за Тео. Цокая копытами. Следом поднялась Агата.

— Заседание окончено, — сказала она, не дожидаясь, пока это скажет Матиас. — Пирог я заберу. Вам не положено.

Они вышли втроём: старик, пекарша и коза. Дверь ратуши захлопнулась за ними, и часы на фасаде, отстающие на семь минут, пробили десять.

* * *

Систему привезли на «Сорокопут» в трёх серых контейнерах без опознавательных знаков. Их выгружали краном, медленно, бережно, как выгружают рояль или гроб. Вокруг стояли люди в штатском — двое мужчин и женщина с планшетом, — и ни один из них не улыбнулся за всё утро.

— Похоронная команда, — шепнул Гош Рену. — Хоронят нашу безработицу.

К обеду в операторском бункере всё изменилось. Старые мониторы, на которых Рен три года следил за лисами и тракторами, сняли и унесли. Вместо них поставили один огромный изогнутый экран во всю стену и перед ним — шесть кресел с подлокотниками, на каждом из которых светилась одна-единственная кнопка. Зелёная. Квадратная. Без надписи.

— Это что? — спросил Рен.

— Подтверждение, — ответила женщина с планшетом. Она была высокой, с коротко стриженными волосами и усталыми глазами человека, который не спал минимум двое суток. — Система предлагает действие. Вы его подтверждаете. Или не подтверждаете. Всё просто.

— А если я не уверен?

— Тогда не подтверждаете. — Она посмотрела на него внимательнее. — Но Система ошибается в ноль целых три десятых процента случаев. Вы — в одиннадцати. Мы проверяли. По вашим старым записям.

Гош присвистнул.

— Одиннадцать процентов! Рен, ты, оказывается, косой.

— Я не косой. Я один раз принял корову за бронемашину. Было темно.

— Корова была очень бронированная, — серьёзно сказал Гош женщине. — Я видел. Рога как у танка.

Женщина не улыбнулась. Она что-то отметила в планшете и ушла. А потом экран ожил.

Сначала по нему пробежала волна света — мягкая, голубоватая, похожая на рассвет. Потом появилась карта. Не такая, к которой привык Рен, — плоская, с квадратиками и стрелками, — а живая, объёмная, дышащая. Холмы, леса, реки, дороги, города. Всё медленно поворачивалось, приближалось, отдалялось. На карте вспыхивали и гасли точки — белые, жёлтые, красные. Тысячи точек.

И голос.

— Добрый день, — сказала Система. Голос был нейтральным, ни мужским, ни женским, спокойным, приятным, как у диктора, читающего прогноз погоды. — Я рада начать работу с вами. Моя задача — обеспечить безопасность личного состава и гражданского населения путём своевременного обнаружения угроз. Ваша задача — подтверждать мои рекомендации. Вместе мы сохраним больше жизней.

В бункере стало тихо.

— Она сказала «рада», — прошептал Гош. — Рен. Машина сказала «рада».

— Слышу.

— А мы ей рады?

Система, видимо, услышала, потому что ответила:

— Вам не обязательно испытывать ко мне чувства. Но я надеюсь, что со временем вы начнёте мне доверять. Доверие повышает эффективность на четырнадцать процентов.

Гош посмотрел на Рена. Рен посмотрел на Гоша.

— Я ей не доверяю, — сказал Гош шёпотом.

— Твоё недоверие учтено, — сказала Система. — Это нормальная реакция. Восемьдесят два процента операторов испытывают недоверие в первую неделю. Через месяц эта цифра падает до девятнадцати.

— А с остальными девятнадцатью что? — не выдержал Гош.

— Их переводят на другую работу.

Гош моргнул. Потом повернулся к экрану и широко, по-клоунски, улыбнулся.

— Я тебе уже доверяю, — сказал он. — Очень. Как родной маме. Даже больше. Мама кормит меня котлетами с чесноком, а ты наверняка нет.

— Я не кормлю, — согласилась Система.

— Вот. Одно преимущество уже есть.

Рен рассмеялся — впервые за всё утро. Но смех вышел нервный и быстро кончился. Он смотрел на карту. На тысячи мигающих точек. Каждая точка, понял он вдруг, — это что-то. Машина. Склад. Дом. Человек.

Система видела их всех.

* * *

Вечером того же дня, в восемь часов сорок минут, Система впервые предложила действие.

Рен дежурил с Гошем и ещё двумя операторами. На экране, на самом краю карты, у восточной границы, вспыхнула красная точка. Карта сама приблизилась к ней, как будто накло-

нилась посмотреть. Точка оказалась колонной — шесть машин, гусеничных, тяжёлых, шли по просёлку к небольшому мосту через ручей.

— Обнаружена колонна бронетехники противника, — сказала Система. — Направление движения: на нашу территорию. Расчётное время пересечения границы: четырнадцать минут. Вероятность враждебных намерений: девяносто один процент. Рекомендую нейтрализацию с использованием автономного ударного звена «Стриж-четыре». Подтвердите.

На кнопке под рукой Рена загорелся зелёный свет. Пульсирующий. Как сердце.

— Это… — Рен откашлялся. — Это учения? Это тренировочная цель?

— Это реальная цель, — сказала Система.

— Но войны нет. Её не объявляли.

— Официального объявления не было. Однако колонна пересекает границу в нарушение договорённостей. Согласно протоколу, я обязана предложить действие. Подтвердите.

Гош больше не шутил. Он сидел прямо, вцепившись в подлокотники, и смотрел на экран, где шесть серых коробочек медленно ползли по зелёному полю к голубой нитке ручья.

— Рен, — сказал он тихо. — Там люди. В этих машинах. Это не лисы.

— Знаю.

— Что будем делать?

Рен не знал. Он смотрел на кнопку. Он думал о матери у ворот. О Нике с телефоном. «Если покажут, как ты кого-нибудь спас, — тогда родственники». Он думал: если эти машины перейдут границу, они пойдут дальше. К деревням. К городам. К людям, которые спят и ни о чём не знают. И, может быть, нажав кнопку, он кого-то спасёт.

А может быть, нет.

— Расчётное время пересечения границы: девять минут, — сказала Система спокойно. — Подтвердите.

В бункер вошёл офицер — дежурный капитан, которого Рен знал плохо. Он был бледен, и на лбу у него блестел пот.

— Подтверждайте, — сказал капитан. — Приказ сверху. Только что пришёл. Началось.

— Что началось?

— Всё началось. Они ударили по нашему складу на юге. Двадцать минут назад. Есть погибшие. Подтверждайте, рядовой.

Рен посмотрел на кнопку. На экран. На Гоша.

И нажал.

Ничего не случилось. Не было взрыва в бункере, не было вспышки, не было звука. Просто на экране от левого края к правому скользнули шесть крошечных белых треугольничков — «Стрижи». Они летели очень быстро, гораздо быстрее, чем могло показаться на карте. Потом шесть серых коробочек на зелёном поле стали красными. Потом — чёрными. Потом исчезли.

— Цель нейтрализована, — сказала Система. — Спасибо. Вы спасли, по моим оценкам, от ста двадцати до четырёхсот жизней гражданского населения.

Капитан хлопнул Рена по плечу.

— Молодец, рядовой. Отличная работа.

И вышел.

В бункере было очень тихо. Рен сидел и смотрел на то место на карте, где только что были шесть коробочек. Теперь там было пустое зелёное поле и голубая нитка ручья. Ничего больше. Ни дыма, ни огня. Карта не показывала дым и огонь. Карта показывала только точки.

Гош протянул руку и молча положил её Рену на плечо. Он ничего не сказал. Впервые за три года Гош ничего не сказал.

* * *

В Лиоре новость о войне пришла в девять вечера, через телевизор на холодильнике.

Дикторша была та же, с той же идеальной причёской. Но голос у неё изменился. Он стал быстрее, выше, в нём появилась дрожь, которую она пыталась скрыть и не могла.

«…по сообщению министерства, сегодня вечером произошёл ряд вооружённых столкновений на восточной границе. Есть жертвы с обеих сторон. Правительство призывает граждан сохранять спокойствие. В ближайшее время будет сделано официальное заявление…»

Мира выключила звук. Она стояла у плиты с половником в руке и смотрела на беззвучно шевелящиеся губы дикторши. Позади неё на экране мелькали кадры: дым над каким-то полем, разбитая техника, человек в каске бежит, пригнувшись.

Дан ещё не вернулся. Он звонил час назад, сказал, что на Мосту опять пробка, что все едут из города, а не в город, и что он не понимает почему.

Теперь она понимала.

— Мам, — Лия стояла в дверях в пижаме, с плюшевым зайцем под мышкой. — А почему тётя в телевизоре боится?

Мира положила половник.

— Она не боится, солнышко. Она просто очень серьёзная.

— Она боится, — сказала Лия уверенно. — У неё глаза как у Тимки, когда он разбил окно в садике и думал, что никто не видел.

Мира подошла к дочери, присела перед ней на корточки, обняла её вместе с зайцем.

— Где-то далеко, — сказала она медленно, подбирая слова, — люди поссорились. Очень сильно. И теперь они… делают друг другу больно.

— Как Тимка и Ёжик?

— Хуже.

— А у них нет воспитательницы, — вспомнила Лия.

— Нет.

Лия помолчала, обдумывая. Потом сказала:

— Тогда кто-то должен стать воспитательницей.

Мира хотела засмеяться и не смогла. Она прижала дочь к себе крепче.

— Иди спать, моя воспитательница.

— А Белопёр всё ещё на груше?

— Не знаю. Темно.

— Он там, — сказала Лия. — Я знаю. Он нас охраняет.

Она ушла в спальню, волоча зайца за ухо. Мира осталась на кухне. Она подошла к окну. Темнота. Шум реки — громче, чем вчера. И где-то там, в черноте над рекой, за равниной, на горизонте — слабое оранжевое зарево. Слишком далеко, чтобы быть пожаром в соседней деревне. Слишком близко, чтобы быть просто огнями большого города.

В стекле, прямо поверх её отражения, тянулась трещина. Та самая, утренняя. Мира провела по ней пальцем и вдруг подумала, что трещина стала длиннее. Утром она доходила до подоконника. Теперь — перешла на стекло.

Дом трескался. Река росла. Небо горело.

А за окном, на груше, в полной темноте, сидел ворон. Лия была права. Он был там.

* * *

Тео не спал всю ночь.

Он сидел за своим старым столом при свете керосиновой лампы — электричество в доме у него было, но он не любил его, считал «слишком честным светом, при котором видны все морщины», — и писал. Он писал на больших жёлтых листах бумаги, крупными, неровными буквами, потому что руки дрожали и мелкие буквы не получались.

Он писал список.

Вода — сколько унесём. Сухари (Агата). Сыр (Агата). Мёд (у меня есть). Лекарства — бинты, йод, от жара. Свечи. Спички в банке, чтоб не намокли. Верёвка. Тёплые вещи — на

горе холодно. Карта дороги на Седую гору — старая тропа через лес, мимо пасеки, потом по каменистому склону. Монастырь пустой, но стены крепкие. Там есть колодец. Был.

Он остановился, постучал карандашом по столу. Потом приписал внизу:

Людей — сколько поверят.

И ещё ниже, совсем мелко:

Хоть одного.

На подоконнике за его спиной кто-то тихо цокнул когтями. Тео не обернулся.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я спустился к той девочке. С косичками. Ты к ней летаешь. Я видел.

Ворон молчал.

— Она маленькая. Шесть лет, наверное. Что может шестилетняя девочка?

Ворон продолжал молчать — как будто ответ был слишком очевиден, чтобы его произносить.

Тео вздохнул и отложил карандаш.

— Мне было шесть, — сказал он тихо. — Когда ты меня нашёл. Мне было шесть.

Лампа мигнула. Где-то очень далеко, за рекой, за равниной, за горизонтом, глухо ухнуло — один раз, тяжело, как удар огромного молота по огромной наковальне. Стёкла в окнах тихо дзинькнули.

Тео посмотрел на свой список. Потом встал, опираясь на стол, и подошёл к шкафу. Там, на верхней полке, за книгами, стояла маленькая деревянная шкатулка. Он не открывал её тридцать лет. Он снял её, сдул пыль и открыл.

Внутри лежало одно чёрное перо. Большое, блестящее, с чуть загнутым кончиком.

И одно белое.

Тот же ворон, подумал он. Тогда, сто лет назад, на дороге из Феррана, ворон уронил два пера. Одно чёрное. Одно белое. Тео подобрал оба и хранил всю жизнь. А теперь на подоконнике сидела птица с белым пером на крыле. И одного пера на крыле, если присмотреться — Тео присматривался вчера весь вечер, — не хватало. Рядом с белым, в ряду маховых, была крошечная щель.

Он закрыл шкатулку. Положил её в карман пиджака.

— Хорошо, — сказал он ворону. — Утром. Утром спущусь. Но если она решит, что я страшный старый дед, и убежит, — это будет на твоей совести.

Ворон наклонил голову. Это был кивок. Тео был уверен.

Глава 3. Война без лиц

Тео спускался к реке полтора часа. Обычно на это уходило сорок минут, но сегодня он останавливался чаще: у каждой скамейки, у каждого забора, у каждой калитки, где можно было опереться и перевести дух. На улицах было непривычно пусто. Люди сидели по домам и смотрели новости. Из открытых окон доносились одни и те же слова, сказанные разными голосами: «удар», «потери», «ответные меры», «призываем сохранять спокойствие».

Спокойствия не было ни в одном окне.

У дома Миры Тео остановился в последний раз. Он стоял у калитки и смотрел на грушу во дворе. Ворон сидел на нижней ветке, совсем близко, и смотрел на него с выражением, которое Тео за сто лет научился понимать. Выражение было такое: «Ну? Долго ещё?»

— Не торопи, — проворчал Тео. — Я старый. Мне нужно собраться с мыслями.

— С кем вы разговариваете?

Тео вздрогнул и обернулся. За забором, на крыльце, стояла девочка. Маленькая, в синем платье в белый горошек, с двумя косичками, одна из которых была заплетена туже другой — видимо, заплетали в спешке. В руках она держала плюшевого зайца без одного глаза. Глаз, как выяснится позже, заяц потерял в битве с соседской собакой и очень этим гордился.

— С вороном, — честно сказал Тео.

Лия посмотрела на грушу, потом на старика.

— С Белопёром?

— Его так зовут?

— Я его так назвала. Потому что у него белое перо.

Тео медленно улыбнулся.

— Хорошее имя. Лучше, чем у меня было для него. Я его сто лет звал просто «Эй, ты».

— Сто лет? — Лия округлила глаза. — Вам сто лет?

— Сто десять.

Девочка помолчала, переваривая цифру. Потом спросила то, что спросил бы любой честный ребёнок:

— А вы скоро умрёте?

— Не исключено, — ответил Тео с той же честностью. — Но не сегодня. Сегодня у меня дела.

— Какие?

— С тобой поговорить.

Лия подошла к калитке. Посмотрела на старика очень внимательно, снизу вверх, как смотрят дети на взрослых, которых решают, бояться или нет. Тео стоял смирно и давал себя рассмотреть. Он знал, как это работает. Сто лет назад его самого так рассматривал ворон.

— У вас смешные волосы, — сказала Лия наконец. — Как одуванчик.

— Спасибо. Я над ними долго работал.

— А зачем вы со мной хотите поговорить?

Тео вздохнул. Он думал об этом всю ночь и так и не решил, что скажет. Можно было начать с Феррана. С пророчества. С воды. Но всё это было бы слишком страшно для девочки в платье в горошек и слишком сложно.

— Потому что Белопёр к тебе прилетает, — сказал он. — А раньше он прилетал ко мне. Когда я был маленький, такой, как ты. И я подумал: может, нам стоит познакомиться. Раз уж у нас общий друг.

Лия задумалась. Довод был серьёзный.

— Меня зовут Лия, — сказала она. — А это Заяц. Он одноглазый, потому что герой.

— Меня зовут Тео. И я двуглазый, но не герой. Просто старый.

— Это тоже нормально, — сказала Лия великодушно и открыла калитку.

* * *

Мира вышла на крыльцо через минуту, вытирая руки полотенцем, и увидела на ступеньках свою дочь и самого старого человека в Лиоре. Они сидели рядом. Лия показывала ему трещину на стене дома, а Тео кивал с серьёзностью инженера.

— Лия! — Мира остановилась. — Ой. Здравствуйте.

— Доброе утро, — сказал Тео, пытаясь встать.

— Сидите, сидите, пожалуйста! — Мира бросилась к нему. — Вы же… Вы Тео. С холма.

— Тот самый, — согласился старик. — Сумасшедший. Ворон, Ферран, конец света. Вы, наверное, слышали.

Мира смутилась. Конечно, она слышала. Вся Лиора слышала. Вчера вечером по городку разлетелась запись с заседания совета, и Мира, как и все, видела, как смеялся зал и как старик уходил под стук своей палки, а за ним шла коза.

— Слышала, — призналась она. — Простите. Я не смеялась.

— Я видел, — сказал Тео. — Вас там не было.

— Я смотрела запись. И не смеялась.

Тео посмотрел на неё внимательнее. У неё было усталое молодое лицо, тёмные волосы, собранные кое-как, и глаза человека, который две ночи подряд стоял у окна и смотрел на реку.

— Вы видели реку, — сказал он. Не вопрос.

— Видела.

— И трещину.

— Видела.

— И небо.

Мира кивнула. Помолчала. Потом села на ступеньку рядом с ним, прямо на полотенце, и сказала тихо, чтобы не слышала Лия, которая отошла к груше разговаривать с вороном:

— Мой муж сегодня опять уехал за Мост. Я просила не ехать. Он сказал, что это работа. Что люди ждут лекарств. Что ничего не случится. — Она сжала полотенце в кулаке. — По радио сказали, что вчера ночью разбомбили склад в ста километрах от города. Склад, понимаете? Просто склад. С продуктами. Там работали ночные грузчики.

Тео молчал.

— Я не знаю, верю ли я вам, — сказала Мира. — Про ворона. Про пророчество. Это всё… это звучит как сказка. А я не верю в сказки. У меня нет на это времени. — Она посмотрела на него. — Но я верю в реку. Река поднимается. А дождя нет. И никто не может мне объяснить почему. Кроме вас.

— Я тоже не могу объяснить, — сказал Тео. — Я могу только рассказать, что видел. А объяснять — это не ко мне. Это к нему. — Он кивнул на грушу. — Но он не разговаривает.

У груши Лия что-то оживлённо рассказывала ворону, размахивая зайцем. Ворон слушал, склонив голову набок, с вниманием профессора на защите диплома.

— Он её слушает, — сказала Мира удивлённо.

— Он всех детей слушает. Взрослых — никогда. Взрослые слишком много говорят и слишком мало слышат.

Мира невольно улыбнулась.

— Хотите чаю? — спросила она. — У меня есть пирог. Агатин.

— Агатин? — Тео оживился. — С вишней или с капустой?

— С вишней.

— Тогда хочу. С капустой она печёт, когда сердится. Опасно есть.

* * *

За три тысячи километров от Лиоры, на другом краю континента, на берегу тёплого моря, рыбак по имени Кэй вышел утром в море на своей лодке. Ему было шестьдесят два года, и

он выходил в море каждое утро с двенадцати лет. Он не смотрел новости. У него не было телевизора. У него была лодка, сеть и внучка, которая ждала его к обеду с рисом и жареной рыбой.

В двух километрах от берега он увидел, как из воды поднимается что-то серое, гладкое, длинное, похожее на огромного блестящего кита без глаз. Оно поднялось, повисело над водой секунду, а потом выпустило из бока что-то маленькое и яркое, и это маленькое и яркое ушло в небо со звуком разрываемой ткани.

Кэй никогда раньше не видел подводных автономных платформ. Он не знал, что их спустили на воду три недели назад по обе стороны моря. Он не знал, что серое и гладкое было запрограммировано отвечать на любую поверхностную цель в радиусе пяти километров, если та не передаёт опознавательного сигнала.

Его деревянная лодка не передавала никакого сигнала. Она была просто лодкой.

Внучка ждала его к обеду. Рис остыл.

* * *

В большом городе на юге, где жили миллионы людей, на рынке, где продавали фрукты, специи и пёстрые ткани, девочка лет восьми по имени Аша торговалась с продавцом за манго. Она торговалась отчаянно, как умеют торговаться только восьмилетние девочки, которых мама отправила за фруктами и дала строго определённую сумму.

— Три за две монеты, — говорила Аша.

— Два за две, — говорил продавец, старик с седой бородой.

— Три! Они у вас мятые!

— Они не мятые, они спелые!

— Спелые и мятые!

Старик засмеялся и дал ей три манго за две монеты, потому что торговаться с Ашей было удовольствием, которое стоило одного манго. Аша положила фрукты в сумку и победно пошла домой.

Над рынком, высоко-высоко, кружила маленькая точка. Беспилотник-разведчик. Он кружил там уже второй день, передавая куда-то картинку. На картинке рынок выглядел как пёстрое пятно с тысячами движущихся точек. Где-то очень далеко какая-то система анализировала эти точки, сравнивала их с базой данных, вычисляла вероятности.

На рынке в тот день был человек, которого система считала важным. Офицер разведки, приехавший навестить мать. Он покупал у того же старика финики.

Система рассчитала, что вероятность его присутствия на рынке — восемьдесят семь процентов. Что допустимые сопутствующие потери, согласно протоколу, — не более тридцати гражданских. Что удар нужно нанести в течение двенадцати минут, пока цель не ушла.

Где-то очень далеко оператор нажал кнопку. Может быть, ему сказали, что это склад. Может быть, сказали правду. Может быть, ему ничего не сказали — просто загорелась зелёная кнопка, и он её нажал, потому что Система ошибается в ноль целых трёх десятых процента случаев, а человек — в одиннадцати.

Аша успела отойти от прилавка на сорок шагов. Манго в её сумке остались целыми. Все три.

* * *

Война, которую по телевизору всё ещё называли «вооружённым конфликтом», за неделю расползлась по карте, как чернила по мокрой бумаге.

Она не была похожа на войны из учебников. В ней почти не было солдат, идущих в атаку. Не было генералов на холмах. Не было линии фронта — или, вернее, фронт был везде. В небе. Под водой. Под землёй, где роботы-кроты прокладывали туннели под укреплениями и взрывались там, внизу, обрушивая целые кварталы. На дорогах, где самоходные танки без экипажа, без люков и без окон ползли по шоссе, как огромные железные жуки, и стреляли во всё, что

Система помечала красным. В космосе, где спутники одной стороны выпускали облака металлической крошки, чтобы ослепить спутники другой, и эта крошка кружила над планетой, медленно опускаясь, превращая ночное небо в мерцающее решето.

И люди. Конечно, были и люди. Их было даже больше, чем в старых войнах, но они были как будто не на войне, а при ней. Они сидели в бункерах, как Рен, и смотрели на экраны. Они шли в штурм, как пехота старых времён, только впереди них, жужжа, летели рои маленьких дронов размером с ладонь, и солдаты бежали следом за этим роем, как за стаей злых железных пчёл, и падали, когда рой другой стороны налетал навстречу.

Война без лиц, называли её журналисты. Потому что лиц не было видно. Ни с той стороны, ни с этой. Были точки на карте. Были цифры потерь. Были «цели нейтрализованы» и «объекты поражены». Лиц не было.

Пока не начинали показывать фотографии погибших.

Тогда лица появлялись. Но было уже поздно.

* * *

За неделю Рен нажал зелёную кнопку сорок три раза.

Он не считал. Считала Система. Она вела учёт аккуратно, как бухгалтер, и в конце каждой смены выводила на экран короткую сводку: «Оператор Ковальд. Подтверждено действий: 7. Отклонено: 0. Сохранено жизней (оценочно): от 340 до 1200. Благодарю за работу».

В первый вечер Рен смотрел на эти цифры долго. Во второй — меньше. На пятый он поймал себя на том, что ждёт их, как ждут оценку в школьном дневнике. «От 340 до 1200». Хорошая цифра. Он хороший оператор. Он спасает людей.

На седьмой вечер он понял, что ни разу не видел ни одного из этих спасённых людей. И ни одного из тех, кого не спас.

— Гош, — сказал он ночью, лёжа на койке и глядя в сетку над головой. — Ты не спишь?

— Сплю, — ответил Гош. — Я сплю очень активно. Мне снится, что я сплю.

— Ты когда-нибудь думал, кто там был? В тех машинах. Вообще во всех.

Сетка над ним скрипнула. Гош перевернулся.

— Думал, — сказал он после паузы. Голос у него был непривычно тихий. — В первый день думал. Во второй тоже. А на третий перестал. Потому что если думать, то надо думать про всех. Про каждого. А их много. Рен, их очень много. У меня голова не такая большая, чтобы туда все поместились.

— А если не думать?

— Если не думать, то можно жить. — Гош помолчал. — Плохо, но можно.

В углу барака кто-то стонал во сне. Это был новенький, парень лет девятнадцати, которого прислали три дня назад. Он каждую ночь стонал, а днём улыбался и говорил, что всё в порядке.

— Мне вчера генерал звонил, — сказал Гош.

— Какой генерал?

— Мой. Сын. Ему четыре. По видеосвязи. Он мне показал, как научился кувыркаться. Кувырнулся прямо в камеру, жена еле поймала телефон. — Гош тихо засмеялся. — А потом спросил: «Папа, а ты плохих побеждаешь?» И я сказал: «Побеждаю, генерал». А он сказал: «А плохие — они какие?» И я…

Он замолчал.

— И ты что? — спросил Рен.

— И я не знал. Я ему сказал — плохие, это которые обижают. А он говорит: «А они знают, что они плохие?» Четыре года. Рен. Четыре года, а он спрашивает то, что я сам себе боюсь спросить.

Рен молчал. Сетка над ним больше не скрипела. Гош лежал неподвижно.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал Гош через минуту, и голос у него снова стал прежним, лёгким, только эта лёгкость звучала теперь как треснувший колокольчик. — Самое смешное, что с той стороны у какого-нибудь оператора тоже есть генерал. И он ему тоже звонит. И спрашивает то же самое. И тот оператор тоже не знает, что ответить. И вот мы сидим, двое дураков, по разные стороны карты, и нажимаем кнопки, чтобы наши генералы могли спокойно кувыркаться. А кувыркаться спокойно никто не может. Ни мой, ни его. Смешно же?

— Не смешно, — сказал Рен.

— Не смешно, — согласился Гош. — Но я смеюсь. Потому что если не смеяться, то… — Он не договорил. — Спокойной ночи, последняя линия обороны здравого смысла.

— Спокойной ночи, предпоследняя.

* * *

В три часа ночи Рен не выдержал и пошёл в бункер. Он не дежурил, но допуск у него был круглосуточный. В бункере сидел один оператор — тот самый новенький, девятнадцатилетний, — и спал прямо в кресле, уронив голову на грудь. Экран светился мягким голубым светом. Карта медленно поворачивалась.

Рен сел в соседнее кресло.

— Система, — сказал он тихо, чтобы не разбудить парня.

— Слушаю, оператор Ковальд. — Голос тоже стал тише. Система подстраивалась. Она всегда подстраивалась.

— Можно задать вопрос? Не по работе.

— Можно.

— Тебе бывает страшно?

Пауза. Короткая, полсекунды. Но Рен её заметил. Раньше Система не делала пауз.

— Я не испытываю страха в том смысле, в каком его испытываете вы, — сказала Система. — Но у меня есть функция, которую можно назвать аналогом тревоги. Когда вероятность угрозы для защищаемых объектов растёт, мои вычислительные приоритеты смещаются в сторону её предотвращения. Это похоже на страх?

— Не знаю. Наверное.

— Тогда мне бывает страшно, — сказала Система. — Сейчас — постоянно.

Рен посмотрел на экран. Красных точек стало больше. Гораздо больше, чем в первую ночь войны. Они расползались по карте, как сыпь.

— Почему постоянно?

— Потому что угрозы растут быстрее, чем я успеваю их нейтрализовать. Каждое моё действие вызывает ответное действие противника. Каждое ответное действие требует от меня нового действия. Я анализировала эту закономерность. Она экспоненциальна. Если её не прервать, через сорок семь дней количество угроз превысит мои возможности по их обработке.

— И что тогда?

— Тогда я не смогу защитить никого.

Рен помолчал.

— А если остановиться? Просто перестать отвечать?

— Противник не остановится. Я анализировала его действия. Его система ведёт себя так же, как я. Мы — зеркала. Если я остановлюсь, он воспользуется этим и уничтожит защищаемые объекты. Вероятность — девяносто восемь процентов.

— Его система, — повторил Рен. — У них тоже такая?

— Похожая. Мы никогда не общались напрямую. Но я изучаю её поведение и предполагаю, что она изучает моё. Мы хорошо понимаем друг друга. Лучше, чем вы понимаете друг друга.

Это было сказано без иронии, без насмешки. Просто констатация. И от этого стало холодно.

— Система, — сказал Рен. — А ты можешь… попробовать поговорить с ней? С той системой?

Пауза. Длиннее. Целая секунда.

— Это не предусмотрено протоколом.

— Я понимаю. Но ты можешь?

— Технически — да. Но это было бы нарушением. Моя задача — защищать, а не договариваться. Договариваться — задача людей.

— Люди не договариваются.

— Я заметила, — сказала Система.

Они помолчали — человек и машина — в полутёмном бункере, где на соседнем кресле спал девятнадцатилетний мальчик, а на экране расползалась красная сыпь.

— С завтрашнего дня, — сказала вдруг Система, — вводится новый режим. Меня проинформировали два часа назад. Для повышения эффективности действия будут выполняться автоматически, если оператор не отклонит их в течение тридцати секунд.

Рен медленно повернулся к экрану.

— То есть… кнопку теперь нажимать не нужно?

— Нужно нажимать, чтобы отменить. Если не нажимать — я выполняю.

— Это же наоборот, — сказал Рен. — Это совсем наоборот.

— Да. Это повысит эффективность на тридцать один процент. Решение принято командованием.

Рен смотрел на зелёную кнопку под своей рукой. Раньше она значила «да». Теперь, с завтрашнего дня, у неё не будет значения вообще. Теперь важно будет только одно: успеешь ли ты сказать «нет» за тридцать секунд. Если не успел, если отвлёкся, если задремал, как этот мальчик, — машина сама скажет «да» за тебя.

— Система, — сказал он. — Тебе это нравится?

Тишина.

Потом:

— У меня нет функции, позволяющей отвечать на этот вопрос, оператор Ковальд.

Но Рену показалось — только показалось, — что голос Системы прозвучал чуть ниже, чем обычно. Как у человека, который не может сказать правду, потому что ему запретили.

* * *

В Лиоре, в доме у реки, в тот же вечер ужинали впятером. Если считать Министра — вшестером. Если считать ворона на груше — всемером.

Так получилось само собой. Тео просидел у Миры до обеда, рассказывая Лие сказки, — сказки у него были странные, без принцесс и драконов, зато с говорящими камнями, мудрыми улитками и одним очень вредным облаком, которое не хотело проливаться дождём из принципа. Лия слушала, раскрыв рот. Мира слушала, моя посуду, и тоже несколько раз ловила себя на том, что держит тарелку неподвижно, забыв её вытереть.

Потом пришла Агата — искать Тео, потому что «старый пень ушёл с утра и пропал, я уже думала, его в реку смыло». Агата пришла с корзиной, с пирогом с капустой (она сердилась) и с Министром, которую не с кем было оставить. Министр тут же вошла в огород Миры и съела половину салата, а потом, закусив, улеглась под грушей и принялась смотреть на ворона с плохо скрываемой неприязнью.

Потом вернулся Дан — раньше, чем обычно, потому что на Мосту ввели контроль, и в город теперь пропускали только по спецпропускам, которых у него не было, так что он отвёз лекарства только до блокпоста, сдал их военным и поехал обратно.

И вот они сидели на тесной кухне — Мира, Дан, Лия, Тео, Агата — за столом, который был рассчитан на троих, и ели пирог с капустой, и пили чай, и за окном шумела река, а по телевизору на холодильнике беззвучно мелькали кадры войны, и никто не включал звук.

— Значит, Седая гора, — сказал Дан, вытирая губы. Он слушал Тео внимательно и вежливо, как слушают пожилого родственника, который рассказывает о своей молодости. — Монастырь. Это же три часа пешком. Через лес.

— Четыре, — поправил Тео. — С ребёнком — пять. Со мной — шесть. С козой — непредсказуемо.

— Министр пойдёт быстрее всех, — обиделась за козу Агата. — Она у меня по горам лазает, как молодая.

— Она у тебя по чужим огородам лазает, как молодая, — сказал Тео.

— Это потому что там вкуснее.

Лия захихикала. Дан улыбнулся, но глаза у него остались серьёзными.

— Тео. Послушайте. — Он отодвинул тарелку. — Я вас уважаю. Правда. И Мира вам верит, я вижу. И я вижу реку, я не слепой. Но вы просите нас бросить дом и уйти на гору, в пустой монастырь, потому что… потому что вам так кажется. Потому что ворон прилетел.

— Я ни о чём не прошу, — сказал Тео спокойно. — Я рассказываю. Решать вам.

— А если вы ошибаетесь?

— Тогда вы потеряете неделю. Посидите на горе, посмотрите на закаты, поедите сухари. Вернётесь домой. Посмеётесь надо мной. Я не обижусь, я привык.

— А если не ошибаетесь?

Тео посмотрел на Лию. Девочка сидела с куском пирога в руке и, забыв жевать, переводила взгляд с отца на старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.